

Преступность бедности.

(Речь, произнесенная в Берлингтоне 1 апреля 1885 г.)

Предмет моей речи — преступность бедности. Я не рассчитываю в короткое время убедить вас во многом, но главное мне хотелось бы доказать вам, что бедность есть преступление. Я не хочу сказать того, что преступление быть бедным. Убийство — это преступление, но нет преступления быть убитым, и в человеке, находящемся в бедности, я вижу не столько преступника, в самом себе, сколько жертву преступления, за которое ответственны другие люди, а может быть также и сам он. Что бедность есть преступление, самое худшее из проклятий, мы все это знаем. Карлейль был прав, когда говорил, что ад, которого всего более боится англичанин, есть ад бедности, и его замечание верно не только относительно англичан, но и относительно всех других людей цивилизованного мира какой бы то ни было национальности. Избегнуть этого ада — вот что побуждает нас напрягать свой мозг, вытягивать свои жилы, бороться друг с другом и заботиться о приобретениях даже тогда, когда они становятся для нас ненужны.

Проклятие бедности падает не на одних только бедняков; оно распространяется на все классы общества, даже на людей наиболее богатых. Те тоже страдают и не могут не страдать, ибо в обществе не может быть страдания, от которого был бы вполне избавлен хотя бы один какой-либо его класс. Порок, преступления, невежество, подлость, порождаемые бедностью, отравляют, так сказать, самый воздух, которым дышат как бедные, так и богатые.

Бедность — мать невежества и кормилица преступлений. Проходя по одной из улиц этого города, я видел трех человек, которые шли скованные за руки цепью. И я знаю, что люди эти, наверно, не богатые люди, и хотя я не знаю, за какое преступление их сковали, я наверно знаю, что их преступление, если разобрать его, так или иначе проистекало от бедности. Вглядываясь в окружающую нас жизнь, нельзя не признать, что по меньшей мере девять десятых человеческих страданий порождается бедностью. Избирает кто жизнь бедняка, он не совершает преступления; но он, несомненно, совершает преступление, если заставляет быть бедными других людей. И мне кажется, что огромное большинство тех людей, которые страдают от бедности, бедны из-за условий, создаваемых обществом,

в его целом. Потому я утверждаю, что бедность есть преступление и преступление не личное, а общественное, т. е. такое, за которое ответственны все мы, как бедные, так и богатые.

Недели две тому назад я зашел в церковь одного очень известного бруклинского проповедника. Там происходило что-то в роде миссионерской беседы. Священник рассказывал о некоторых случаях из своей пастырской практики и разбирал причины, препятствующие людям быть христианами. Один из случаев, приведенных им, поразил меня. Священник этот стал замечать в глубине храма одного человека, который изо дня в день внимательно слушал его, все более и более выдвигаясь вперед. Как-то вечером он подошел к этому человеку и спросил его: «Брат мой, не имеете ли вы желания сделаться христианином?» Человек этот ответил, что нет, что он не желает. Он ответил, однако, не вызывающим тоном, а с грустью. «Почему же? — спросил священник, разве вы не верите в истины, которые вы слышали здесь!» Нет, он верил им. «Почему же тогда вы не хотите стать христианином?» «Видите ли, — отвечал этот человек, — я не могу присоединиться к церкви, не бросив своего дела, а без него я не могу содержать своей жены и детей. Брось я его, я не знал бы, чем мне жить. Я долго бился прежде, чем нашел его, и я не могу им рисковать. А вместе с тем я не могу быть христианином, продолжая им заниматься». — «Да вы — виноторговец?» спросил священник. Оказалось, что нет. Священник не знал, что и подумать. Ему казалось, что торговля вином была единственным занятием, которое могло препятствовать человеку сделаться христианином. «Чем же вы занимаетесь?» спросил он наконец. «Я продаю мыло», был ответ. «Вы продаете мыло?! — воскликнул священник, — да как же это может препятствовать вам сделаться христианином?» — «Дело в том, — отвечал человек, — что мыло, которое я продаю, есть одно из тех, которые рекламируются повсюду, как могущие очень легко вымывать белье и не содержащие в себе никаких вредных веществ. Каждый кусок мыла, продаваемого мною, завернут в бумагу, на которой напечатано, что в нем нет вредных примесей, тогда как на самом деле они есть в нем, и, вычищая очень быстро ткань, оно в короткое время разрушает ее. Так вот каким образом я добываю себе пропитание, и я прекрасно понимаю, что я не могу быть христианином, если буду продавать это мыло». Священник рассказывал затем, как много он возился с этим человеком без всякого результата, и кончил свою речь словами: «Он прилепился к своему мылу и потерял свою душу».

Но если человек этот потерял свою душу, то его ли только была в этом вина? Чья вина, если общественные условия таковы, что человеку приходится делать страшный выбор между тем, что признает справедливым его совесть, и тем, что оказывается необходимым для его существования? Я утверждаю, что это—вина общества, что это—вина каждого из нас. Чума есть проклятие. Человек, который занес бы сюда холеру, или человек, который, имея возможность предупредить занесение ее, не сделал бы этого, был бы повинен в преступлении. Бедность хуже холеры; бедность уничтожает более жизней, чем чума, даже в самые счастливые годы. Загляните в статистику смертности наших городов; посмотрите, где жизнь имеет наименьшую продолжительность, где малые дети мрут, как мухи,—вы увидите, что в более бедных кварталах. И человек, который смотрит беззаботными глазами на безумную ярость этой чумы; человек, который ничего не предпринимает для того, чтобы ослабить или уничтожить ее, - человек этот, говорю я, повинен в преступлении.

Если бы бедность создавалась силой, находящейся вне нашего контроля, то она не была бы преступление; но так как бедность не необходима, то она - преступление, за которое ответственно общество и из-за которого общество должно страдать.

А что бедность не есть что-либо необходимое, в этом может убедиться всякий, кто живет не с закрытыми глазами. Если эта язва, худшая всякой чумы, держится среди нашей цивилизации, приводя повсюду к лишениям, страданиям и унижениям; если она губит как тела, так и души людей, то отнюдь не по предписанию Всемогущего Бога, а вследствие совершаемой нами несправедливости из-за нашего себялюбия, из-за нашего невежества. Посмотрите на человеческое общество в момент наибольшего расцвета нашей цивилизации. Всюду, во всех цивилизованных странах, увидите вы людей, мужчин, женщин и детей, в таком положении, что с ними не поменялся бы и самый грубый дикарь. Даже здесь, в вашем новом городе, окруженном девственной почвой, вам пришлось в эту зиму устраивать столовые для голодающих. Ваши дороги были переполнены бродягами, а пятнадцать человек, как я слышал, проживали временно в местной тюрьме. И как здесь, так и повсюду. Всюду бедность, и тем больше бедности, чем больше богатства.

Может ли что-либо быть более противоестественным? В природе ничего нет похожего на ту бедность, которую мы видим теперь в человеческом обществе. Мы видим грабеж в природе; мы видим, что

один вид уничтожается другим, но, как общее правило, животные никогда не живут за счет себе подобных. И всюду, где мы замечаем, что известный вид имеет изобилие пищи, мы видим, что и все особи этого вида имеют изобилие пищи. Никто, думается мне, не видел стада буйволов, которое состояло бы из нескольких жирных животных и множества тощих. Никто не видал стаи птиц, в которой две или три птицы заплыли бы жиром, а прочие были бы, что называется, кожа да кости. Никто не видал среди дикарей чего-либо похожего на ту бедность, которая существует среди нашей цивилизации.

При грубом состоянии общества бывают времена лишений, когда умирают от голода; но это бывает лишь в тех случаях, земля не даст урожая, когда не выпадут дожди или неприятель опустошит страну, — отнюдь не тогда, когда заметно всюду изобилие; и однако своеобразной особенностью теперешней бедности является именно то обстоятельство, что она бывает всего ужаснее где всего более богатства.

О чем слышим мы среди бедствий и нужды, угнетающих цивилизованный мир? О чем говорят нам обыкновенно, пытаюсь объяснить застой промышленности? О перепроизводстве! Мы слишком много сшили одежду, и потому нам приходится ходить в лохмотьях; мы слишком много нарыли угля, и потому нам приходится в лютые зимы оставаться беззащитными от холода; мы слишком много заготовили хлеба, и потому нам приходится умирать с голоду! Нужда, порождаемая перепроизводством! Да не нелепость ли это? Какое же может быть перепроизводство, когда у людей еще нет и достатка? Тут не может быть перепроизводства, туг может быть лишь несправедливое распределение.

Бедность необходима! Но подумайте о той мощи, какая таится в человеческом мышлении. Вспомните об изобретениях, позволивших нам силами одного человека производить работу, для которой требовалась ранее сила тысячи людей. В одной только Англии, как говорят, действующие там паровые машины развивают рабочую силу, большую рабочей силы народонаселения всего мира, принимая его состоящим лишь из одних взрослых мужчин. А мы ведь только еще вступили на путь открытий и изобретений. Мы еще не утилизировали всего даже и из числа уже сделанных открытий и изобретений. Подумайте также о силах земли. Мы ведь едва только коснулись их. Во всех направлениях, куда мы ни взглянем, увидим мы новые

средства, ожидающие применения. Способность человека производить богатство, по видимому, безгранична, — нигде мы не видим ее пределов. Смотрите, какая сила даром уходит мимо вашего города в потоках Миссисипи; а ведь она могла бы работать на вас. И таким же образом всюду расточается энергия, которой мы могли бы пользоваться, и средства, к которым мы могли бы обратиться, остаются нетронутыми. Но в то же время мужчины надрывают свои силы и женщины теряют стыд и честь в борьбе из-за удовлетворения простых животных потребностей.

Если бы животные имели разум, что должны бы они были подумать о нас? Огромный пароход несется по океану, против ветра и против волн, пренебрегая бурями и непогодой. Если бы чайки, которые летают над ним, были мыслящими существами, разве могли бы они допустить, чтобы животное, построившее такую громаду, испытывало недостаток в пище? А ведь на деле это так.

Да и кто из нас, даже из тех, кому жизнь дается всего легче, ведет жизнь, согласную с требованиями разума? Пусть скажут люди, которые верят, что есть только одна жизнь у человека: разве не глупо для него проводит эту жизнь лишь в борьбе за существование. И пусть скажут люди, которые верят, как верю я, что этой жизнью на земле лишь открывается новая жизнь: разве не уродлив тот факт, что девять десятых, если не девяносто девять сотых, нашей жизненной энергии расходуется нами или на поддержание нашей животной жизни или на накопление того, чего мы не можем взять с собой. А жизнь простого рабочего? Разве может сказать кто-то, что это есть жизнь, для которой приспособлен человеческий мозг и предназначено человеческое сердце? Посмотрите на фабрики, разбросанные по всей нашей стране; ведь они немногим лучше исправительных учреждений для преступников.

Недавно я читал в нью-йоркских газетах о стачке работниц на фабриках Йонкерза. Газеты заявили, что работницы эти, по видимому, сами не знают, из-за чего они устроили стачку, и их стачка объяснялась просто их увлечением модными идеями. Однако вскоре появились сообщения с другой стороны, и стало ясно, что стачка эта началась из-за постановлений, которым должны были подчиняться работницы. Их штрафовали, если они разговаривали между собою; их штрафовали еще сильнее, если они смеялись за работой; огромному штрафу подвергались те, которые опаздывали хотя бы на минуту. Я посетил одну даму в Филадельфии, которая была надсмотрщицей на

многих фабриках, и спросил ее: «Возможно ли, чтобы были введены где-нибудь такие постановления?»

Она отвечала, что такие постановления применялись в Филадельфии. Был штраф за разговор друг с другом, был штраф за смех. На одной фабрике, где она работала, рабочих штрафовали за опоздание в размере десяти центов за минуту, хотя некоторым из них приходилось ходить за несколько миль в зимнюю стужу. Между прочим она рассказала мне про одну девушку, которая работала в поте лица целую неделю и заработала 3 доллара 50 центов, но должна была заплатить в штрафах 5 долларов 25 центов. Это было бы смешно, если бы не было так трагично и возмутительно.

И далеко ли от всего этого ушла жизнь тех рабочих, которые живут в сравнительном благоденствии и независимости? Работает человек часы, дни, недели, выполняя одну и ту же работу, и для чего же? Только для того, чтобы жить. Он работает десять часов в день для того, чтобы иметь возможность спать восемь и два или три часа употреблять на себя, когда он, усталый и разбитый, возвращается с работы. Нет, это не есть жизнь разумного существа, та жизнь, к которой приспособлены все силы человека, — и это, думается мне, должен чувствовать каждый из нас.

Когда я впервые стал заниматься моим ремеслом наборщика, я считал невероятным, чтобы человек был создан работать целые дни ради одного только существования. В прошлом я регулярно читал журнал "Сайнтифик Американ". В нем сообщалось об одном изобретении за другим, и я ожидал, что к тому времени, когда я сделаюсь взрослым, уже не будет более необходимости работать с таким напряжением. Но на деле борьба за существование усилилась. В доказательство противного приводят массу статистических цифр, указывающих будто бы на улучшение в положении рабочих классов. Хорошо же это улучшение, которое можно заметить лишь в статистический микроскоп! Но на самом деле нет даже и малейшего улучшения.

Улучшение! Где же оно, если по последним сообщениям мичиганского бюро рабочей статистики, которые я читал вчера в одной детройтской газете, заработная плата, достигающая в некоторых промыслах цифры 6-ти и 7-ми долларов в день, в среднем равняется лишь 1 доллару 77 центам, а учитывая праздники, лишь 1 доллару 40 центам. Кто знает, как можно жить и кормить семейство на 1 доллар и 40 центов в день даже в Мичигане,

тот едва ли будет говорить об улучшении в положении рабочих классов.

А вот общий вывод, к которому приходят люди, внимательно изучавшие вопрос, как историк Галлам или проф. Сорольд Роджерз, занимавшийся исследованием цен за последние пять столетий. В то время, когда все промышленные искусства находились еще в самом первобытном состоянии, когда самые плодovитые из теперешних овощей еще не были известны, когда еще не было более или менее крупных и крепких пород скота, когда еще не существовало дорог и перевозка товаров являлась делом в высшей степени трудным, когда прядильная и ткацкая промышленность довольствовалась лишь ручными станками, — в то грубое время положение рабочих в Англии было несравненно лучше, чем теперь. В то грубое время никто не боялся нужды, если только не наступало голода, а недостаток хлеба в одной местности нельзя было тогда, из-за трудности перевозки, восполнять изобилием в другой. Только во время голода можно было бояться нужды. Пауперизм, такой, какой существует в настоящее время, был совершенно неизвестен. Всякий человек, если только он не был физически неспособный, мог добывать себе пропитание, и самые бедные жили в грубом довольстве. И, пожалуй, самым удивительным из всех открытий, сделанных при этом изучении, надо признать факт, что при упомянутых условиях в те «темные времена», как мы их называем, рабочий день равнялся лишь восьми часам, тогда как теперь, при всех наших изобретениях и улучшениях, рабочие классы передовых стран тщетно борются и агитируют из-за сокращения рабочего дня до восьми часов.

Указывают ли эти данные на улучшение? При грубом состоянии общества, на самой первой ступени в развитии искусств, труд естественного добытчика хлеба дает пропитание и ему и тем, кто от него зависит. А среди всех наших изобретений, для огромной массы людей, этого труда оказывается уже недостаточно для прокормления. В нашей цивилизации есть чему подивиться. Однако те вожди племени сиу, которые приезжали с Дальнего Запада и посещали наши промышленные города на Востоке, были удивлены всего более не чудными нашими изобретениями, не машинами, работающими так, как будто они одарены умом, не величиной наших городов, не быстротой, с какой мчатся наши поезда, не телеграфами и телефонами, а тем фактом, что среди этого чудного

развития производительных сил они видели детей, занятых работой. Факт этот должен удивлять и нас и должен удивлять нас более, чем что-либо другое.

Мы толкуем об улучшении в положении рабочих классов, тогда как на самом деле все более и более оказывается необходимой работа женщин и детей. Я слышал, что даже здесь, в этом городе, есть дети 13-ти и 14-ти лет, работающие на фабриках. В Детройте, по донесению мичиганского бюро рабочей статистики, половина детей школьного возраста не посещает школы. Доклад, сделанный законодательному собранию в Нью-Джерси, раскрывает такую картину страданий и невежества, что пред ней нельзя не содрогнуться. Дети растут там, принужденные заниматься однообразной работой в то время, когда они должны бы были играть; дети, которые даже не знают, что такое игра; дети, которые так давно приучены были к работе, что уже свыклись с ней; дети, которые остаются в таком невежестве, что не знают, в какой стране находится Нью-Джерси, никогда не слышали о Джордже Вашингтоне и считают Европу за главный город Нью-Йорка. Подобные факты не могут не остановить на себе внимания. Они доказывают, что затронуты самые основания республики. Опасным человеком следует признавать не того, кто пытается возбудить недовольство, а того, кто утверждает, что все так и должно оставаться. Такое положение дел не может продолжаться; те силы, которые работают в нашем обществе, рано или поздно сделают свое дело гибели и разрушения.

Я говорю, что вся эта бедность и невежество, вытекающее из нее, не есть что-либо необходимое; я говорю, что нет естественных препятствий к тому, чтобы мы все были богаты и не в том смысле, чтобы все мы имели более, чем другие, а в том, чтобы все мы могли вполне удовлетворять свои физические потребности и жить жизнью, допускающей развитие лучших сторон нашей природы. Ничто не мешает нам быть богатыми настолько, чтобы малые дети не томились на фабриках; чтобы женщины не изнуряли себя работой, для которой они не предназначены, и чтобы ее было среди нас того гнетущего страха, который парализует иногда даже людей, не считающихся «бедными», — того страха, который, вероятно, испытывал каждый из нас, что наступит болезнь или придет смерть, и люди, которых мы любили более, чем свою жизнь, должны будут искать благотворительную помощь.

«Посмотрите на лилии полевые, как они растут; не трудятся, не прядут». И я верю, что в истинно христианском обществе, которое не устами, а делами почитало бы учение Иисуса, никому не приходилось бы заботиться об удовлетворении своих физических нужд более, чем заботятся о том лилии полевые. Нам много дано, — более, чем достаточно. Горе лишь в том, что в нашей безумной борьбе мы топчем в грязи то, что дано было нам, а затем рвем и терзаем друг друга.

Бедность эта имеет свою причину, и если вы станете искать ее, вы заметите, что она коренится в некоторой первичной несправедливости. Посмотрите на мир, каков он есть в настоящее время: бедность — повсюду. И причина ее, несомненно, везде одна и та же. Ее нельзя приписывать тарифу или форме правления, или чему-либо такому, в чем нации различаются: глубокая бедность есть явление общее для них, должна быть общей и производящая ее причина. Что же это за причина? Есть только одна достаточная причина, общая всем нациям, и причина эта есть присвоение некоторыми лицами того естественного элемента, который необходим для жизни всех людей.

Возьмите тот факт, о котором я только что упомянул, тот поразительный факт, что в наше время труднее существовать, чем в темный и грубый XIV век, и попытайтесь дать ему объяснение. Это не трудно будет сделать, если вы знакомы с историей Англии или с историей какой-либо другой из культурных стран (и я говорю об истории Англии только потому, что она более известна). Парламент, составленный из аристократов и капиталистов, в течение целого ряда столетий издавал законы, направленные на то, чтобы понизить заработную плату, но это ему не удавалось. Нельзя было принудить людей работать за плату, которая давала бы лишь голое существование, потому что они еще не были вполне лишены щедрот природы, потому что сохранялись еще следы признания той истины, что все люди имеют равное право на землю, потому что земля этой страны, — та, которая находилась в частном владении, — признавалась лишь как бы арендуемой у народа, и народ получал с нее ренту. Церковные земли доставляли средства на содержание церквей, семинарий и богаделен; королевские земли — средства на содержание короля, а земли, находившиеся в так называемом военном владении — средства на содержание войска. Государственного долга не было в Англии в

то время. Она вела войны в течение нескольких сот лет, но все издержки на них оплачивались землевладельцами. И, что особенно важно, оставались еще земли, находившиеся во владении всех, которыми могли пользоваться жители известной местности, — так называемые общинные земли, — следы которых до сего времени сохраняются еще во всех старинных английских городах. Только лишь тогда, когда все земли эти были отгорожены, когда общинные земли были монополизированы, церковные — захвачены жадными придворными, королевские — сделались абсолютной собственностью фаворитов короля, а военные владельцы прикарманили свои ренты и взвалили расходы, которые они несли, на всю нацию в виде налогов, падающих на трудолюбие и бережливость, только тогда бедность стала принимать все большие размеры и бродяга появился в Англии, как появляется он теперь в наших новых штатах.

Подумайте, разве монополизация земли не есть достаточная причина бедности? Что такое человек? Прежде всего он есть животное, земное животное, которое не может жить без земли. Все, что ни производится человеком, берется из земли, весь производительный труд, в конечном итоге, оказывается состоящим из переработки земли или материалов, взятых из земли, в формы, приспособленные для удовлетворения человеческих нужд или желаний. Да и самое тело человека берется из земли. Мы — дети земли, из нее мы взяты и вновь в нее должны мы возвратиться. Отнимите от человека все, что принадлежит земле, и что останется у вас, кроме бесплотного духа? Потому тот, кто владеет землей, на которой и от которой должен жить другой человек, является господином этого человека, и человек этот есть его раб. Человек, который владеет землей, на которой я должен жить, может распоряжаться моей жизнью и смертью так же свободно, как если бы ему принадлежало мое тело. Мы толкуем об отмене рабства, но мы не отменили рабства; мы отменили лишь более грубую форму его — личное рабство. Теперь нам предстоит отменить более тонкую и предательскую, более проклятую форму его, то промышленное рабство, которое делает человека фактически рабом, превознося в то же время его свободу. Разве бедность и нужда причиняют страдания меньше, чем кнут? Одному Богу известно, что выносили рабы, но разве меньше выносят люди в цивилизованных обществах нашего времени? Как ни тяжело было

рабство, но оно не доводило однако матерей до того, чтобы они убивали своих детей, а вот из официальных донесений вы можете узнать, что система страхования детей, сильно распространившаяся в Англии и распространяющаяся теперь в наших восточных штатах, заметно и почти повсеместно повысила смертность детей! Что это значит?

Робинзон Крузо, как вам известно, освободил Пятницу от людоедов и сделал его затем своим рабом. Пятница должен был служить Крузо. Но, допустим, Крузо сказал бы: «О, человек и брат! Я рад тебя видеть и приветствовать на этом острове. Будь здесь свободным и независимым гражданином, таким же, как я. Знай только, что остров этот составляет мою собственность, которой я могу распоряжаться по своему усмотрению и которой ты можешь пользоваться лишь на поставленных мною условиях». Пятница тогда оказался бы столь же рабом, как если бы он был им назван с самого начала. Пятница не был рыбой и не мог уплыть морем; он не был птицей и не мог улететь по воздуху; он мог жить лишь на этом острове, и раз остров признан принадлежащим Крузо, то Крузо является хозяином его жизни и смерти.

Один из моих друзей и единомышленников разговорился как-то с другим моим другом, который иначе относился к земельному вопросу и придавал наибольшее значение реформе денежного обращения. «Да, — говорил тот, — земельный вопрос — очень важный вопрос. Но не надо забывал, что есть и другие важные вопросы и в числе их вопрос о реформе денежного обращения. Это вопрос первостепенной важности и вопрос более важный, чем земельный. Дайте мне все деньги, и я заберу все земли». — «Прекрасно, — отвечал другой собеседник, — пусть у вас будут все деньги мира, а у меня вся земля, и скажите теперь, что сделаете вы, если я откажу вам в проживании?»

Вы удивитесь, если я скажу вам, что, на мой взгляд, люди вообще не понимают, что такое земля. Я знаю одну девочку, которая уже посещала некоторое время школу, обучалась географии и прочим «предметам». Как-то она сказала мне: «В учебнике говорится о поверхности земли... Хотелось бы мне знать, как она выглядит». — «Так в чем же дело? — заметил я, — Выйди во двор и увидишь там поверхность земли». — «Как, — воскликнула она, — это будет поверхность земли? Наш двор есть поверх-

ность земли? Ну, этого я никак не думала». Как раз нечто подобное бывает не только со взрослыми людьми, но даже и с теми мудрыми существами, которые занимаются изданием газет. Они, видимо, полагают, что когда говорят о земле, то всегда имеют в виду сельское хозяйство; они полагают, что земельный вопрос есть вопрос, целиком касающийся фермеров, как будто земля употребляется лишь для выращивания хлеба. А было бы интересно спросить, как мог бы человек хотя бы издавать газету, не пользуясь в той или другой мере землею. Он мог бы подняться в небо на воздушном шаре, но и тогда он не смог бы обойтись без земли. Что поддерживает воздушный шар в воздухе? Земля, земная поверхность. Провалилась земля, и что станется с воздушным шаром? Воздух, которым он поддерживается, опирается на землю. Так же обстоят дела и во всех прочих занятиях. Копают ли человек на глубине трех тысяч футов в шахте, работает ли он на самом верху одного из тех огромных зданий, которые строятся теперь в Нью-Йорке, идет ли он за плугом по полю или рассекает на корабле волны океана, он все равно пользуется землей.

Земля! Но чем же собственно владеет тот, кому принадлежит земля? Всякий юрист ответит на это: «Всем тем, что есть над этой землей до самого неба, и всем, что есть под нею до самого центра земли». И он владеет этим фактически всюду, где это оказывается в его интересах. В Нью-Йорке есть дома в четырнадцать и пятнадцать этажей, и что же приходится оплачивать людям, живущим на верхних этажах? Один мой друг, имеющий офис в одном из таких домов, признался, что ему приходится платить за кубические футы воздуха. Получается, что тот, кто владеет поверхностью земли, имеет право и на получение арендной платы за воздух над нею, даже если бы здание было высотой несколько миль.

Живя на земле, мы всюду наталкиваемся на земельный вопрос. Человек — это наземное животное. Предположим, вам нужно построить дом. Можете ли вы его построить, не найдя для него места? А материалы, из которых вы должны его построить: камень, известь, дерево, железо? — все это добывается из земли. Возьмите какой угодно предмет богатства, любой из тех предметов, из-за которых борются люди, — откуда берет он свое начало? Из земли. И земельный вопрос является всюду основным вопросом. В сущности, он представляет из себя ничто иное, как рабочий вопрос. Когда

некоторые люди делают своей собственностью тот элемент, из которого получается всякое богатство и без которого никто не может существовать, тогда они оказываются в состоянии жить без труда, и, следовательно, людям, которые трудятся, достается меньше из производимого ими.

Думали ли вы когда-нибудь о совершенной нелепости и странности того факта, что рабочий класс во всех странах цивилизованного мира есть бедный класс? Отправьтесь в какой угодно город, возьмите извозчика и попросите его отвезти вас туда, где живут рабочие. Он не повезет вас туда, где стоят прекрасные дома; он повезет вас в сторону от них, в грязные кварталы с вонючими домами. Останавливали ли вы свое внимание на странности этого факта? Подумайте только, как поразил бы он какое-либо мыслящее существо, еще не бывшее на земле и каким-нибудь чудом явившееся на нее. Вы объяснили бы ему нашу жизнь на земле, объяснили, как создаются трудом дома, пища, одежда и все вообще предметы, нужные нам для жизни, и оно, конечно, подумало бы, что рабочие люди суть как раз те самые люди, которые живут в самых лучших домах и имеют всего более того, что создается трудом. Но на деле, явись оно в Лондон, в Париж, в Нью-Йорк или даже в Берлингтон, оно заметило бы, что именно рабочие-то люди и живут в самых бедных домах.

Это странное явление, и оно стоит того, чтобы над ним задуматься. Мы невольно презираем бедность. И на самом деле ее следовало бы презирать. Я отнюдь не говорю того, чтобы бедные люди всегда или в большинстве случаев были бедны по собственной вине, но так должно бы быть. Если бы какой-нибудь справедливый человек имел силу создать мир, то он, несомненно, создал бы мир, в котором бедными оказывались бы лишь люди ленивые и порочные. И именно таков тот мир, в котором мы живем, который был создан Богом. Природа вознаграждает лишь труд и только труд; никакой предмет богатства не может быть произведен без участия труда, и при естественном порядке вещей человек, работавший добросовестно и умело, должен быть богатым, а не работающий — бедным. Мы перевернули этот порядок природы, и у нас вошло в привычку думать о рабочем человеке, как о бедном.

Но, вникнув в предмет, мы поймем, что первичная причина

этой бедности заключается в том, что мы принуждаем людей, которые работают, платить другим людям за дозволение работать. Вы покупаете пальто, лошадь, дом; вы платите за произведение труда, — за труд, затраченный продавцом или купленный им у других людей. Но за что вы платите человеку, когда вы платите ему за землю? Вы платите ему за то, чего не производил никто из людей, что существовало ранее, чем явился человек, за ценность, которая была создана не каким-либо человеком лично, а обществом, часть которого вы составляете. Где причина того, что земля, на которой мы находимся сегодня вечером, стоит в настоящее время дороже, чем стоила двадцать пять лет тому назад? Где причина того, что земля в центре Нью-Йорка, которой можно было купить некогда целую милю за бутылку виски, стоит теперь столько, что вымостить ее золотом обойдется дешевле, чем купить? Разве не в увеличении численности населения? Если это население вдруг исчезнет, то что станет с ценностью земли?

Мы толкуем о перепроизводстве. Но какое же может быть перепроизводство в то время, когда народ нуждается в самом необходимом? Народу нужны те предметы, которые оказываются произведенными в излишке. Почему же он не приобретает их? Не потому, чтобы он не желал их, а потому, что у него нет средств купить их. Почему же у него нет средств? Потому что он зарабатывает слишком мало. Не удивительно, что великое множество товаров остается непроданным, когда огромной массе людей приходится работать, в среднем, за 1 доллар 40 центов в день.

Почему же этим людям приходится работать за такую низкую плату? Потому, что если бы они потребовали высшей платы, то их было бы кем заменить. Всегда наготове стоит множество безработного народа, и именно эта масса безработных создает ту жесткую конкуренцию, которая снижает заработную плату до уровня голого существования. Но почему есть люди, которые не могут найти для себя работы? Разве не странно звучат эти слова, что люди не могут найти для себя работы? Адам не испытывал затруднения в отыскании работы, не испытывал его и Робинзон Крузо; отыскание работы было самым последним делом, о котором они заботились.

Если люди не могут найти для себя работодателя, то почему же они сами не сделаются своими работодателями? Да просто потому,

что они отрезаны от того элемента, без которого немислим труд; люди принуждены конкурировать между собой из-за заработной платы, выдаваемой хозяином, потому что они насильственно лишены естественных удобств, пользуясь которыми, они могли бы быть своими собственными хозяевами, — потому что для них нет места в Божьем мире, где они могли бы работать, не платя другим каким-то человеческим существам за то, что те позволять им работать.

Я отнюдь не хочу сказать того, чтобы, покончив с этой основной несправедливостью, мы могли бы спокойно сложить свои руки; но я хочу сказать что вопрос о праве владения землей лежит в корне всех других общественных вопросов. Я хочу сказать, что вы можете делать все, что угодно, можете проводить какие угодно реформы, но что вы не избавитесь от повсеместной бедности до тех пор, пока элемент, на котором и от которого должны жить все люди, будет оставаться частной собственностью некоторых лиц; что до тех пор будут бесплодны все ваши усилия. Преобразовывайте механизм управления, сокращайте до минимума налоги, стройте железные дороги, заводите кооперативные магазины, делите прибыль между хозяевами и работниками как вам нравится, — и что же будет в результате? В результате будет то, что земля будет повышаться в своей ценности; только это и ничего больше. Опыт показывает нам это. Разве все улучшения не увеличивают только ценности земли, — той цены, какую должны одни люди другим за право существовать на свете?

Подумайте вот о чем, и я говорю вам это с полнейшим уважением и только для того, чтобы запечатлеть эту истину в ваших умах. До тех пор, пока Его законы остаются таковыми, каковы они сейчас, даже самому Богу было бы невозможно облегчить бедность, — абсолютно невозможно. Подумайте об этом, и вы поймете меня. Люди молят Всемогущего облегчить бедность. Но бедность происходит не от Божьих законов, — сказать это значило бы произнести самую гнусную хулу на Бога.

Бедность происходит от человеческой несправедливости к ближнему. Допустим, что молитва людей была бы услышана Всемогущим; но как Он мог бы исполнить их просьбу, сохраняя установленные Им законы такими, каковы они есть? Ведь Бог ничего не дает нам из того, что составляет богатство. Он дает нам

только сырой материал, который перерабатывает человек, производя богатство. А разве теперь он мало дает нам этого сырого материала? И если бы он стал давать его еще более, как мог бы Он облегчить бедность? Допустим, что в ответ на просьбу людей Он увеличил бы силу солнца или плодородие почвы, сделал бы растения более плодоносными и заставил бы быстрее размножаться животных, — кому все это было бы на пользу? Кому все это было бы на пользу в стране, в которой земля вполне монополизирована, как она монополизирована в большинстве цивилизованных стран? Только одним собственникам земли. И даже если бы Бог в ответ на просьбу людей стал прямо посылать с неба те предметы, какие нужно людям, то и тогда это было бы на пользу лишь одним собственникам земли.

В Ветхом Завете рассказывается, как израильтяне, странствуя в пустыне, терпели голод и как Бог послал им с неба манну. ее было достаточно для всех, все брали ее и были сыты. Но допустим, что пустыня признавалась бы частною собственностью, как признается ею земля в Великобритании или Соединенных Штатах. Допустим, что один израильтянин имел бы квадратную милю земли, другой — двадцать миль, третий — сто и т. д., а огромное большинство израильтян не имело бы земли даже столько, сколько нужно ее, чтобы поставить на нее ступни своих ног, — что случилось бы тогда с манной? Какая польза от нее была бы для народа? Никакой. Хотя Бог посылал бы манны достаточно для всех, но манна эта делалась бы собственностью землевладельцев; они нанимали бы кого-нибудь собирать ее для них в кучи и продавали бы ее своим голодающим братьям. Понятно, что эта покупка и продажа манны продолжалась бы до тех пор, пока большинство израильтян не проело бы все, что у них было, кончая последней одеждой. А потом? Потом им уже не на что было бы покупать манну, они начали бы голодать в то время, как манна лежала бы в огромных кучах и землевладельцы жаловались бы на ее перепроизводство. Был бы огромный запас манны и голодающий народ — как раз то самое явление, какое мы видим в настоящее время.

Я не могу касаться многих сторон дела, но на одно я хотел бы обратить ваше внимание: на совершенную нелепость права частной собственности на землю. Человек продает землю — нашу общую мать, — продает то, что никто из нас не производил, и

это право передается из поколения в поколение. Но как же он мог приобрести то право, которое делало бы землю его собственностью?

Есть священное право собственности — священное потому, что оно предписывается законами природы, т. е. законом Бога, и необходимо для общественного порядка и цивилизации, — это право собственности на предметы, произведенные трудом. Оно вытекает из права человека на самого себя. То, что человек произвел является его собственностью и никто в мире не имеет права у него это отнять. Производя вещь, человек приобретает право отдавать ее или удерживать, дарить или давать в займы, продавать или завещать. Но как может он приобрести подобное право на землю, которая была ранее, чем он явился на свет? Личное право на землю основывается лишь на присвоении. Некто, по имени Гелехерд, много лет тому назад поднялся на вершину высокого холма в одной из самых чудных местностей Западной Австралии, осмотрелся кругом и провозгласил: «Вся земля, которая видна с вершины этого холма, отныне пусть будет моею собственностью; вся же прочая земля, которой не видно отсюда, пусть будет собственностью сына моего Джона».

Эта история повторялась повсюду. Всяду права на землю являлись следствием такого же присвоения. Бесспорно, при некоторых обстоятельствах присвоение может создавать право. Нас приглашают к обеду и просят садиться за стол. Я сажусь, и стул, на который я сажусь, чрез это присвоение на время делается моим. Было бы очень неприлично и неблагопристойно со стороны кого-либо из других гостей подойти ко мне и сказать: «Встаньте с этого стула, я хочу сесть на него!» Однако это право владения стулом, вполне допустимое до тех пор пока я на нем сижу, не дает мне права захватывать все то, что ставится на стол передо мною. Человек имеет право присваивать естественные элементы, которыми он может лично воспользоваться; но имеет ли он право присваивать более того, чем он может пользоваться? Имеет ли право гость в случае, предположенном нами ранее, присвоить себе более, чем сколько ему нужно, и заставить других гостей стоять за столом? А это именно и делается повсюду.

Бедность! Да может ли быть какое-либо сомнение в ее причине? Отправьтесь в старые страны, — отправьтесь в западную Ирландию или на шотландскую возвышенность. Вы найдете там чисто

первобытные общества и вместе с тем встретите людей, живущих так бедно, как беднее нельзя и жить, — людей, из года в год живущих лишь на овсяной муке или на картофеле и сплошь и рядом голодающих. Вы без труда откроете причину их бедности. Они лишены всякого права на то, что дает им природа. Все, что они могут сделать сверх необходимого для жизни, они должны отдавать лендлордам. Им приходится платить не только за землю, которой они пользуются, но даже за водоросли, которые выбрасываются морем на берег, и за торф, который они выкапывают из болот. Они не решаются делать никаких улучшений, ибо всякое улучшение приводит лишь к повышению арендной платы. Люди эти, работая в поте лица, ютятся в лачугах, тогда как лендлорды живут в роскоши, где-нибудь в Лондоне или Париже, а приезжая в свои поместья для охоты за лисицами, останавливаются в домиках, которые кажутся великолепными замками сравнительно с жилищами трудящегося народа.

В городах вы заметите еще большую бедность, и, желая показать вам самые тяжелые последствия монополизации земли, я направил бы вас именно в города, — в Дублин, Глазго или Лондон. Там вы увидели бы нечто худшее физических лишений или простого голода: вы увидели бы там нравственное истощение людей, их духовное умирание. И причину вам не трудно было бы заметить.

Люди бегут из деревень в города и ищут пристанища в городских трущобах. С каждым человеком, уходящим из деревни, уменьшается спрос на произведения городских рабочих, и с каждым таким человеком, приходящим в город с женой и детьми, увеличивается конкуренция между рабочими из-за одной только возможности существовать, что приводит к падению заработной платы. Для людей остается один только выбор: искать где бы то ни было работы или голодать, — работать на каких бы то ни было условиях или сделать то, чего всякий рабочий человек, не утративший совести, боится более, чем смерти — идти просить милостыню. Вот почему так переполнены города. Но сделайте землю доступной для трудящихся, уничтожьте монопольный захват ее людьми, которые, сами на ней не работают и другим не дают работать, и вы не увидите больше бродяг на дорогах и не услышите о перепроизводстве.

Я уверенно отвечаю, чтобы можно было указать какое-либо бла-

гое следствие монополизации земли. Где бы вы ни прослеживали ее влияние, — в новых ли странах, где впервые она остановила на себе мое внимание, в центрах ли торговой и промышленной деятельности, — везде вы заметите лишь вред от нее и везде вы увидите полное несоответствие ее с требованиями порядка и справедливости. Посмотрите, как сказывается она хотя бы на дорогах и на расстояниях, отделяющих сельские поселения. Человек не берет себе земли столько, сколько ему нужно, сколько он может обработать, а берет столько, сколько он может захватить; вследствие этого его ближайший сосед должен селиться где-нибудь дальше, — люди отодвигаются друг от друга более, чем сколько следовало бы, производительная деятельность их затрудняется, выгоды близкого соседства и знакомства утрачиваются. Они не могут иметь хороших дорог, им более приходится работать для достижения тех же результатов, и жизнь их оказывается во всех отношениях более трудной и мрачной.

В городах влияние земельной монополизации сказывается не лучше. В деревне она слишком рассеивает население, в больших городах она слишком скучивает его. Подите в какой-нибудь город в роде Нью-Йорка и посмотрите, как размещаются в нем люди, семья над семьей, этаж над этажом, подобно кильке в консервной банке. Возможна ли там сколько-нибудь естественная или здоровая жизнь? Может ли быть что-нибудь похожее на домашний очаг в квартирах, занимаемых рабочими? Могут ли дети вырасти здоровыми там, где им нет места поиграть? Две или три недели тому назад я читал в газетах, что один нью-йоркский судья оштрафовал на пять долларов двух мальчиков за то, что они позволили себе играть на улице; а где еще они могли бы играть? Монополизация земли не оставила им мест для игр. Один член общества трезвости заявил как-то, что по его мнению даже питейные дома Лондона являются благом в том смысле, что они дают возможность живущим в темных и грязных квартирах побыть хоть немного в светлых и чистых комнатах и хоть на время отделаться от гнета своей удручающей обстановки. Где же причина такой скученности в городах? Естественной причины нет. Возьмите Нью-Йорк: он наполовину не застроен. Зачем же люди так скучиваются там? Тут сказывается влияние права частной собственности на землю. Есть много мест, чтобы строить дома, есть много людей, желающих строить,

но прежде, чем строить их, приходится платить выкуп собственникам земли. Приобрести свободный участок под постройку дома обходится нередко дороже, чем построить сам дом. И что же ждет потом человека, который внесет за землю выкуп и построит дом? К нему явится налоговый инспектор и наложит на него налог за постройку дома.

Так делается это всюду в Соединенных Штатах. Люди, которые строят, люди, которые превращают степь в поля и пустыню в сады, люди, которые украшают наши города, подвергаются за это налогам и штрафам. Разве жителям Нью-Йорка, да и массе других городов, не требуется большого числа квартир? Зачем же, скажите, опутываете вы налогами людей, которые строятся? И так всюду: главная масса налогов приходится на людей, которые прилагают к земле свой труд и капитал. Строит кто дом, устраивает фабрику или возделывает землю, и он облагается за это налогами; более того, в девяти случаях из десяти человек, пользующийся своей землей, платит с нее значительно больше налогов, чем платит собственник, который, выжидая время, и сам не пользуется своей землей и другим не дает ею пользоваться.

Я говорил слишком долго; но я все же позволю себе в немногих словах очертить тот путь, каким мы могли бы освободиться от монополизации земли и обеспечить за всеми людьми право на ресурсы, необходимые для жизни. Для этого нам не нужно было бы разделять землю. При грубом состоянии общества, как среди древних евреев, наделение каждой семьи участком земли и признание такого надела ее неотчуждаемой собственностью могло вести к чему-то похожему на равенство. Но теперь, при нашей сложной цивилизации, этого было бы недостаточно. Нам нужно было бы установить раздел не земли, а доходов, получаемых с земли. Этим путем мы могли бы достигнуть абсолютного равенства, и при том без всяких сколько-нибудь резких и насильственных изменений. Мы могли бы постепенно и спокойно осуществить реформу, отменяя налоги, которые падают теперь на труд, капитал и их приложения, и вводя вместо них налог с ценности земель. Подумайте об этой реформе, и для вас станет ясно, что она будет благодеянием повсюду.

Предположите, что мы отменили бы все налоги, прямые и косвенные, введя вместо них налог с ценности земель; к каким

последствиям повела бы эта реформа? Прежде всего она уничтожила бы спекулятивные цены. Она переместила бы центр тяжести налогообложения из более новых частей страны в более старые и богатые. Она избавила бы от налогов первопроходцев и возложила бы главную массу их на более крупные города. Она освободила бы энергию и предприимчивость, сняла бы гнетущее бремя с труда и капитала и дала бы новый могущественный толчок производству. Затем она позволила бы нам из налога с ценности земель не только покрывать все теперешние правительственные расходы, но делать нечто неизмеримо большее. В Сан-Франциско некто Джеймс Лик оставил в пользу города несколько участков не застроенной земли, и на ренту с них там будет построен величайший в мире телескоп, выстроены обширные общественные бани и другие здания, сооружены дорогостоящие заводы. Но если бы, вместо ренты с этих немногих участков, Сан-Франциско стал получать ренту со всего города, что тогда мог бы он сделать для своих жителей?

Даже здесь, в Берлингтоне, где рента ничтожна сравнительно с Чикаго или Сан-Франциско, вы многое могли бы сделать для города, если бы признали общественной собственностью те доходы с земли, которые получают теперь частными лицами. Вы могли бы завести огромную публичную библиотеку, могли бы устроить картинную галерею, могли бы разбить великолепный общественный парк. У вашего города прекрасное местоположение, редкое по своей красоте, а я много путешествовал. И вы могли бы сделать так, что жизнь в вашем городе была одним удовольствием. Но при теперешних порядках вам не удастся этого сделать никогда. Самый факт, что с известных мест города у вас открывается красивый вид, побуждает некоторых лиц захватывать эти места и требовать за них более высокую цену. Штату Нью-Йорк хочет купить полосу земли, чтобы дать возможность публике любоваться на Ниагарский водопад. Но сколько же ему придется заплатить за нее!.. Посмотрите, что делается во всех наших крупных городах. В Филадельфии, например, чтобы выстроить величественное здание мэрии, пришлось загородить единственные две большие улицы в городе. Везде увидите вы тот вред, какой наносит монополизация земли, и всюду заметите вы, что частная собственность на землю только препятствует общественным и частным улучшениям.

Однако у меня нет времени вдаваться в дальнейшие подробности. Я прошу вас только вдуматься в смысл этой реформы. Вы поймете, насколько она желательна. Один из моих английских друзей, определял ее как-то словами: «никаких налогов и пенсия для всякого», и формулой этой достаточно точно выражается ее сущность. Брать в качестве налога ренту с земли, на самом деле, не значить брать налог; брать ее значить брать в пользу общества то, что принадлежит обществу, и из этого фонда, принадлежащего обществу, мы действительно могли бы, никого не унижая, оказывать помощь нуждающимся, — тем, которые потеряли своих кормильцев, подверглись несчастным случаям или утратили с годами способность к труду. Все толки о том, что мы растлевающим образом влияли бы на простых людей, давая им то, что не было заработано ими, — ложь. Растлевающим образом влияет лишь то, что подрывает в человеке самоуважение; а то, что получается по праву, как достояние каждого гражданина, не унижает человека. Бесплатные школы благотворителей влияют принижающим образом на детей, которые их посещают; бесплатные общественные школы уже не оказывают такого влияния.

Однако все эти благодеяния реформы, как бы они ни были велики, все же являлись бы, так сказать, лишь побочными следствиями ее. Главным, основным следствием предложенной мною реформы было бы то, что для труда открыт был бы доступ к земле, и люди получили бы возможность всюду находить для себя занятие. А это очень ценное следствие. Мы сэкономили бы те огромные производительные силы, которые расточаются теперь всюду в нашей стране, — силы безработного народа, ищущего работы. Заработная плата стала бы подниматься. Не каждый стал бы пахать землю или строить себе дом, получив к тому возможность, но многие стали бы делать это, и эти многие ослабили бы давление на рабочем рынке и дали бы занятие всем прочим, ищущим его. Вместе с возрастанием заработной платы стала бы возрастать общая производительность страны. Высокая заработная плата всюду сопутствуется высокой производительностью. Где заработная плата достигает наивысшего уровня, там наиболее деятельным бывает дух изобретения, наиболее сообразительным рабочий и наиболее щедро вознаграждается всякая затрата труда.

Чем более вы будете думать об этом, тем яснее будет становиться

для вас, насколько верно то, что я говорю. Я не рассчитывал убедить вас, поговорив с вами лишь в продолжение часа или двух, и я буду доволен, если мне удалось побудить вас к исследованию.

Вдумайтесь сами в явления окружающей вас действительности и сами спросите себя: точно ли не преступление факт существования бедности в нашей среде, и не ответственен ли за нее каждый из нас, кто умалчивает о ней и не делает того, что можно сделать для ее устранения?